

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-162

EDN: XMNZXD

Прагматика культурных коннотаций в формировании художественного вымысла детективного дискурса

Анна Игоревна Дзюбенко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42

aidzyubenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению прагматического потенциала культурных коннотаций в детективном дискурсе. Автор статьи трактует художественный вымысел как дискурсивный феномен, возникающий не только как результат целенаправленной речемыслительной деятельности продуцента художественного дискурса, но и как диалогическое взаимодействие автора и читателя, как итог рецептивно-интерпретативной деятельности адресата такого дискурса. На материале детективного романа А. Кристи «И, треснув, зеркало звенит» доказано, что культурные коннотации принципиально важны в процессе продуцирования эстетических знаков разноразмерной принадлежности, а также в корректной интерпретации образов, которые представляют собой результат функционирования таких культурных коннотаций. Прагматика культурных коннотаций эстетического знака реализуется в их эмоциональном воздействии на читателя, что в целом отражает противоречивую природу детективного дискурса, так как линия расследования преступления, центральная в детективном тексте, направлена на активизацию рационального начала в восприятии и декодировании компонентов текстово-дискурсивного пространства. Культурные коннотации включены и в процессы вторичной номинации – прежде всего, метафоризации и символизации, что становится возможным на основании актуализации референтного значения языковых единиц, включая эмоционально-образный и эмоционально-оценочный компоненты. На основании апелляции к фоновым знаниям адресата в детективном дискурсе реализованы прецедентные феномены (тексты, ситуации, онимы) и лингвокультурные стереотипы, способствующие формированию художественного вымысла. Установлено, что культурные коннотации эстетического знака в художественном дискурсе способны создавать устойчивые образы в сознании адресата, что, в конечном счете, способствует структурированию национальной картины мира.

Ключевые слова: культурная коннотация; художественный вымысел; прагматика; культурный код; эстетический знак; детективный дискурс; прецедентный феномен; А. Кристи

Для цитирования: Дзюбенко А. И. Прагматика культурных коннотаций в формировании художественного вымысла детективного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 162–170. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-162>. <https://elibrary.ru/XMNZXD>

Original article

Pragmatics of cultural connotations in detective fiction discourse

Anna I. Dzyubenko

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of intercultural communication and foreign language teaching methods, institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 105/42

aidzyubenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Abstract. The article focuses on the pragmatic potential of cultural connotations in detective discourse. The author of the article interprets artistic fiction as a discursive phenomenon that arises not only as a result of purposeful speech-thought activity of the literary discourse producer, but also as a dialogical interaction of the writer and the reader, as a result of the receptive-interpretive activity of the discourse addressee. The material of A. Christie's detective novel «The Mirror Crack'd from Side to Side» gives the proof that cultural connotations are fundamentally important in producing

aesthetic signs of different levels, as well as in the correct interpretation of images that are the result of such cultural connotations functioning. The pragmatics of aesthetic signs cultural connotations is realized in their emotional impact on the reader, which generally reflects the contradictory nature of detective discourse, since the line of the crime investigation, central in the detective text, is aimed at activating the rational principle in understanding and decoding the components of the textual-discursive space. Cultural connotations are also included in secondary nominating – first of all, in metaphorization and symbolization, which become possible due to actualizing the referential meaning of linguistic units, including the emotional-figurative and emotional-evaluative components. On the basis of appealing to the addressee's background knowledge, detective discourse realizes precedent phenomena (texts, situations, onyms) and linguocultural stereotypes, contributing to creating fiction. It has been established that cultural connotations of the aesthetic sign in literary discourse are capable of creating stable images in the addressee's mind, which ultimately contributes to structuring the national worldview.

Key words: cultural connotation; artistic fiction; pragmatics; cultural code; aesthetic sign; detective discourse; precedent phenomenon; A. Christie

For citation: Dzyubenko A. I. Pragmatics of cultural connotations in detective fiction discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):162–170. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-162>. <https://elibrary.ru/XMHZXD>

Введение

Изучение коннотативного компонента значения является одним из перспективных направлений развития современной лингвистики. Различия коннотаций во многом обуславливают изменения семантики языковых единиц, что, в конечном счете, оказывает влияние и на сами смыслы, и на их импликации в тексте и дискурсе. Коннотации свойственны эмотивная, оценочная и экспрессивная функции; выделяют различные типы коннотаций (позитивные, негативные, нейтральные, стилистические, эмоциональные, оценочные и пр.). Эмоциональное отношение читателя к описываемому в художественном тексте формируется посредством прагматического воздействия культурных и характерологических коннотаций, а сам художественный дискурс не имеет соотносительности с категориями истинности / ложности (что является следствием фундаментального статуса художественного вымысла в этом виде дискурса [Bergman, 2022; Franzén, 2024; Stokke, 2023]). Характерологические (содержательные) коннотации рациональны по своей природе, что обуславливает их образование на основании осмысления несущественных, но при этом устойчивых признаков понятия, которые обозначает лексема. В отношении культурных коннотаций для лингвистики традиционно их соотношение с лексическим или фразеологическим уровнем языка, однако правомерна их трактовка как конститuentов семантического пространства художественного текста, участвующих в процессе эстетического семиозиса и, как следствие, в формировании художественного вымысла. По всей видимости, культурные коннотации эстетического знака создают устойчивые образы примерно так же, как и куль-

турные коннотации фразеологических единиц, участвуя, тем самым, в структурировании национальной картины мира.

Культурные коннотации эстетического знака имеют ассоциативно-образную природу, что обуславливает, в конечном счете, различные семантические оттенки переводных эквивалентов, называющих один и тот же объект в разных языках. Культурные коннотации латентны, а зачастую имплицитны, а их экспликация необходима для реализации корректной рецептивно-интерпретативной деятельности адресата эстетического высказывания. Очевидно, что выявление и описание прагматической специфики культурных коннотаций приобретает дополнительную доказательность в случае обращения к текстово-дискурсивному пространству детективной литературы, в сфере которой как восприятие эстетического знака, так и его воздействие на сознание читателя оказывается наиболее репрезентативным. Детективный дискурс обнаруживает схематизм сюжетостроения, что в определенной степени облегчает моделирование процесса формирования художественного вымысла: в детективе действие развивается на основе таких элементов содержания и формы литературного произведения, которые уже были выработаны (и, в известной степени, изжиты) мировой литературой в других, недетективных, жанрах. Эта схематизация является следствием сохранения исключительно синтактики и прагматики знака в детективном текстово-дискурсивном пространстве, в то время как его семантика в ее традиционном понимании сводится к нулю: именно детектив в наибольшей степени объективирует процесс формирования художественного вымысла ввиду отсутствия денотата эстетического знака и кон-

струирования художественной реальности как возможного мира.

Методы исследования, примененные к материалу исследования – детективному роману А. Кристи «The Mirror Crack'd from Side to Side» («И, треснув, зеркало звенит...») (1962) в оригинале [Cristie] и переводе Г. Усовой [Кристи] – составили целостный комплекс, приоритетными в котором стали метод когнитивно-прагматического анализа и филологической интерпретации, а также метод семиотического анализа, позволяющие выявить и описать прагматические особенности культурных коннотаций, реализуемых в процессе формирования и функционирования художественного вымысла.

Результаты исследования

Термин *коннотация* до настоящего времени не имеет отчетливо сформулированного определения, что обуславливается различной трактовкой природы данного феномена и тех факторов, которые участвуют в его формировании. Часть исследователей склоняется к мнению об эмотивном характере коннотации ([Апресян, 1995, с. 159; Телия, 1986, с. 25–26; Шаховский, 1994] и др.). При этом отношение субъекта речи к действительности, эмотивно-оценочное и стилистически маркированное, получает в высказывании экспрессивную окраску, что позволяет включать в состав эмоционально-оценочной коннотации экспрессивный компонент ([Телия, 1986, с. 5; Цоллер, 1996, с. 63] и др.). С другой стороны, стилистический компонент, зачастую определяемый в составе коннотации, обуславливается эмотивностью и экспрессивностью ([Телия, 1986, с. 63–64] и др.).

Авторитетными в современной лингвистике являются концепции коннотации, предложенные В. Н. Телия [Телия, 1996] и Ю. Д. Апресяном [Апресян, 1995]. В. Н. Телия трактует коннотацию как результат интерпретации образного основания языковой единицы и объективацию оценочности, эмотивности, экспрессивности в составе семемы как квазиденотативного содержания. При этом образ понимается в координатах национальной картины мира как «„ниша“ <...> для кумуляции мировидения» [Телия, 1996, с. 215], что обуславливает связь образа с культурным пространством данной языковой общности, однако коннотации свойственны преимущественно переносным значениям. М. Л. Ковшова также указывает на определяющую роль образа в порождении коннотаций: «Двусторонний языко-

вой знак попадает в „фильтр“ другой системы – культуры, благодаря чему сквозь языковой „материал“ высвечиваются культурные смыслы, а сам языковой „материал“ становится телом нового знака – знака культуры, в котором воплощены выделенные в культуре категории и смыслы...» [Ковшова, 2012, с. 147–159]. Ю. Д. Апресян подчеркивает, что коннотации «характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях...» [Апресян, 1995, с. 163]. Представляется, что концепции Ю. Д. Апресяна и В. Н. Телия органично дополняют друг друга, позволяя осмысливать целостно процесс формирования и функционирования коннотаций в текстово-дискурсивном пространстве.

В современной лингвистике все большую популярность приобретает терминологическое сочетание *культурная коннотация*. Г. В. Токарев отмечает, что «коннотация является культурным феноменом. Она отражает сложившиеся в лингвокультурной общности представления о действительности или является эмотивно-оценочной интерпретацией образного основания номинации, отражающего культурно детерминированное объяснение фрагмента действительности. Культура для выражения своих смыслов оставивается на знаке вербальной природы: он получает новые, культурные функции, становится наряду с другими знаками культуры одним из элементов ее симболической системы» [Токарев, 2020, с. 12]. Отметим в этой связи, что культурные коннотации обладают принципиальной важностью для художественного дискурса в рамках продуцирования, рецепции и интерпретации эстетических знаков разноуровневой принадлежности.

Культурная коннотация возникает в процессе вторичной номинации, что подтверждается также ее субъективностью и несущественностью для основной семантики языковой единицы: «Самое важное, главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют ещё и элементы контекста» [Курилович, 1962, с. 59]. Очевидно, вариативность употребления языкового знака ограничена: бесконечное количественное приращение единиц плана выражения или плана содержания невозможно ввиду снятия неоднозначности языковой единицы при ее контекстуальном употреблении. И при этом двойственная природа языкового знака как раз и является одним из определяющих факторов проду-

цирования коннотаций. Н. Д. Арутюнова указывает, что наличие у слова смысла и значения, сигнификата и денотата, сама возможность возникновения коннотаций и референции объясняются функциональной подвижностью множества словесных знаков, а способность к созданию сложной семиотической системы для коммуникативных целей заложена в самой человеческой природе [Арутюнова, 1999]. Особые семиотические акты, к которым, бесспорно, принадлежит и художественный дискурс, формируют различные измерения знака, в которых соответствие означаемых и означающих описывается посредством специального набора знаков – кода. Семиозис основывается на намерении адресанта транслировать адресату информацию через канал связи посредством выбранного им кода: «Переход от мира сигнала к миру смысла означает, что человек, являющийся источником и передатчиком информации, осуществляет идентификацию смысловозначительных признаков согласно заложенному коду» [Эко, 1998, с. 47]. Процессы вторичной номинации, которые, несомненно, свойственны художественному дискурсу, придают языковым единицам референтные коннотации, имеющие эмоционально-образный и эмоционально-оценочный компоненты. Денотат всегда соотносён с кодом, обусловленным культурой, а коннотация, в свою очередь, представляет собой совокупность культурных значений, вызываемых в памяти адресата сигнификатом. Мы согласны с У. Эко, что коннотация – это цепь интерпретантов, которые продуцируются в процессе семиозиса. Коннотации представляют собой элементы значения, которые являются следствием переживания образа или познания объекта действительности, что даёт возможность рассуждать о коннотациях мотивированных или немотивированных значений, при этом любая коннотация в своей глубинной сути является следствием интерпретации окружающей действительности сквозь призму культурной рефлексии. Коннотация воплощает культурную память, являясь объективацией связи языка и культуры.

Культурные коннотации эстетического знака в текстово-дискурсивном пространстве способны отражать «глубинные структуры национального самосознания человека» [Кобозева, 2000, с. 554], представляя собой культурный компонент семантики языкового знака. Содержательные коннотации способствуют осуществлению процесса метафоризации, включению лексических единиц в состав сравнительных конструкций. Этот вид

коннотаций формирует, в конечном счете, культурно-значимые смыслы художественного текста [Маслова, 2001, с. 56], что обеспечивается известностью информации, которую они содержат, всем представителям конкретной лингвокультуры. Коннотативные и ассоциативные семантические признаки разграничиваются на основании характеристики смыслов: коннотативные признаки имеют этнокультурный [Берестнев, 2008, с. 52–53] и узуальный [Апресян, 1995, с. 159; Иорданская, 1980, с. 193] характер, фиксируясь в языковой семантике, тогда как ассоциативные признаки формируются за счёт субъективных смыслов, имеющих социокультурный характер. Поскольку в художественном дискурсе содержательные и культурные коннотации зачастую образуют нерасторжимое единство, реализуемое на разных уровнях текстово-дискурсивного пространства, целесообразно в отношении формирования художественного вымысла рассуждать именно о культурных коннотациях, которые включены в процесс метафоризации и символизации, в том числе, и на этапе восприятия художественного дискурса, а значит, культурные коннотации характеризуются прагматической спецификой, обусловливаемой интра- и экстралингвистическими факторами.

Прагматика детективного дискурса в целом ориентирована на две линии развития действия – это линия расследования и линия преступления, которые имеют определенные точки соприкосновения [Богатырев, 2024]. Детективный дискурс направлен на реализацию воздействия на читателя, при этом все прагматические средства в нем имеют эксплицированный характер [Дидковская, 2022; Поринец, 2022]. С. М. Эйзенштейн, называя детектив наиболее действенным жанром литературы, правомерно отмечает, что «от него <детектива> нельзя оторваться. Он построен такими средствами и приемами, которые максимально приковывают человека к чтению. Детектив – самое сильнодействующее средство, самое очищенное, отточенное построение в ряде прочих литератур. Это тот жанр, где средства воздействия обнажены до предела» [Эйзенштейн, 1968, с. 102]. При этом прагматические приемы могут быть классифицированы по критерию ориентированности на рациональное / эмоциональное начала: линия преступления (его мотивы обычно – деньги, страх, месть [Моэм, 1994]) направлена на эмоциональное воздействие, линия расследования апеллирует к логике, рациональному мышлению. Рассуждая об экспликации

прагматических приемов детектива, укажем также на то, что стратегии, актуализирующие рациональное начало, должны преобладать в интерпретации событийности детективного дискурса, что не исключает и эмоциональное воздействие на читателя. Однако, как остроумно замечает Н. Н. Вольский, читательница «которая плачет над судьбой „бедных деточек“, чей папа был обнаружен в библиотеке с ножом в спине, читает этот роман не в той кодировке» [Вольский]. Поэтому детектив, конечно, условен, абстрагирован от объективной действительности в ее многообразии, что и дает возможность судить о детективном тексте не только как о вторичной моделирующей системе (каким является вообще любой художественный текст), но как о системе, ни в малейшей степени не предполагающей наличия денотата как компонента значения языкового знака, содержащего информацию о внеязыковой действительности.

Нами неслучайно был избран текст детективного романа А. Кристи «И, треснув, зеркало звенит»: в нем актуализированы дискурсивные маркеры событийности, характеризующиеся культурными коннотациями, которые, в свою очередь, оказывают прагматическое воздействие на читателя в соответствии с наличием у него определенного объема фоновых знаний [Полужкова, 2024]. Очевидно, что в формировании художественного вымысла в творчестве А. Кристи важны не только и не столько устойчивые модели детективного повествования, сколько тот культурный код, который транслируется детективным дискурсом. Создание возможно более подробного и приближенного к объективной действительности описания различных аспектов британской культуры дает возможность А. Кристи создать «двойную призму» мировидения, благодаря которой ее детективы стали классическим образцом, идеалом в рамках развития детективного жанра. Отметим также, что несмотря на целенаправленную стереотипизацию, свойственную в целом детективному жанру, автору удалось использовать не только устойчивые сюжетные схемы (которые, конечно, составляют фундамент вымысла в детективном дискурсе), но и культурные коннотации, свойственные национальным стереотипам и прецедентным феноменам британской лингвокультуры. Так, например, в следующем контексте «The drive afforded no view of the flower garden and for that Mrs Bantry was just as pleased. The flower garden and its special herbaceous border had been her own particular

delight in the far-off days when she had lived at Gossington Hall. She permitted regretful and nostalgic memories of her irises. The best iris garden of any in the country, she told herself with a fierce pride» [Cristie] / «Цветника с дорожки не было видно, и это еще больше улучшило настроение миссис Бэнтри. В те далекие дни, когда она вместе с мужем жила в Госсингтон-холле, цветник с его великолепными клумбами был предметом ее особого восхищения и гордости, и вид его теперь наверняка вызвал бы у нее ностальгические воспоминания о прекрасных ирисах, которые там росли. Лучший ирисовый сад в округе, говорила себе миссис Бэнтри с нескрываемой гордостью» [Кристи] отметим обращение А. Кристи к описанию увлечения британцев садоводством и, в частности, разведением цветов, что создает возможность также охарактеризовать сложные чувства, возникшие у миссис Бэнтри при посещении уже давно проданного Госсингтон-холла. Ее радость оттого (*Mrs Bantry was just as pleased*), что она не видит цветника и, особенно, свою гордость – ирисы (*The best iris garden of any in the country, she told herself with a fierce pride*), позволяет читателю воспринимать этого свидетеля преступления как художественный образ, созданный с известной долей психологизма, а не только как компонент традиционной схемы детективного нарратива. Безусловно, А. Кристи прибегает к такой усложненной психологической характеристике второстепенного персонажа с тем, чтобы усилить эмоциональное воздействие на читателя и, с другой стороны, повысить авторитетность мнения этого свидетеля в дальнейшем, поскольку как приверженность определенным культурным стереотипам и, как следствие, неуклонное следование принципам британской культуры, важность мельчайших деталей в соблюдении этикета (вспомним, что миссис Бэнтри польстило, что звезда кинематографа, знаменитая актриса Марина Грегг от руки написала адресованное ей приглашение в Госсингтон-холл), так и внимание миссис Бэнтри к эмоциональным оттенкам в поведении других людей делает ее наблюдения весьма точными и неоценимыми в ходе расследования убийства Хизер Бэдкок. А. Кристи, опираясь на культурные коннотации, удачно сочетает рациональное и эмоциональное в воздействии на читателя. Реализована здесь и импликация культурной коннотации в отношении нынешней хозяйки Госсингтон-холла: Марина Грегг – американка, и понятно, что американской культуре массовое увлечение разведением

ем цветов, что акцентирует в данном макроконтексте А. Кристи, вовсе не свойственно.

Прагматика культурных коннотаций реализована и в следующем фрагменте: «Laycock's excuses were always reasonable, and strongly resembled those of Captain George's in *Three Men in a Boat* for avoiding going to sea. In the captain's case the wind was always wrong, either blowing off shore or in shore, or coming from the unreliable west, or the even more treacherous east. Laycock's was the weather. Too dry – too wet – aterlogged – a nip of frost in the air. Or else something of great importance had to come first (usually to do with cabbages or brussels sprouts of which he liked to grow inordinate quantities)» [Cristie] / «Когда же выяснилось, что все сделано не так, объяснения Лейкока всегда были разумны и весьма напоминали извинения капитана Джорджа из романа Джерома К. Джерома „Трое в одной лодке“, который свое нежелание выходить в море оправдывал тем, что ветер дул с моря или с берега, был слишком слаб или чрезмерно силен. Лейкок же все валил на погоду. Она была то слишком сухой, то слишком влажной, то слишком жаркой, то слишком холодной. Всегда находилась какая-нибудь веская причина, в особенности тогда, когда Лейкоку выдавалась возможность заняться капустой, которую он обожал выращивать в несметном количестве» [Кристи]. Для усиления степени эмоционального воздействия на читателя А. Кристи использует прецедентный текст – роман Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», а также прецедентный для британской культуры прецедентным оним – капитан Джордж из этого романа, сравнение с которым позволяет передать все психологические тонкости характера Лейкока, приглашаемого садовника мисс Марпл, британского чудака – национального стереотипа, обладающего многообразными культурными коннотациями. Очевидно, что это чудачество никак не участвует в развитии основного детективного сюжета, однако А. Кристи таким путем создает мистификацию достоверности художественного вымысла в детективном дискурсе, как бы приближая художественную реальность к объективной действительности, в определенной степени лишая схематичности своих героев и создавая у читателя иллюзию возможности событий, происходящих в ее детективном романе.

Той же прагматической цели служит и обращение А. Кристи к прецедентным феноменам в следующем контексте: «One had to face the fact:

St Mary Mead was not the place it had been. In a sense, of course, nothing was what it had been. You could blame the war (both the wars) or the younger generation, or women going out to work, or the atom bomb, or just the Government – but what one really meant was the simple fact that one was growing old. Miss Marple, who was a very sensible lady, knew that quite well. It was just that, in a queer way, she felt it more in St Mary Mead, because it had been her home for so long» [Cristie] / «Увы, следовало признать, Сент Мэри Мид в известном смысле был уже не тот, что прежде. Можно было обвинять в этом войну (даже обе войны), молодое поколение, эмансипацию женщин, атомную бомбу, наконец, правительство, но мисс Марпл знала истинную причину – просто она постарела. И, естественно, это особенно остро ощущалось в Сент Мэри Мид, деревушке, где она провела большую часть своей жизни» [Кристи]. Все прецедентные феномены (*the war (both the wars) or the younger generation, or women going out to work, or the atom bomb, or just the Government*), характеризующие действительность и британскую культуру 1940–1950-х годов, актуализированы в этом макроконтексте для эмоционального воздействия на читателя. Опираясь на предполагаемый определенный объем фоновых знаний читателя, автор создает один из самых трагических детективных романов в истории развития этого жанра: не только преклонный возраст мисс Марпл, но и кардинально изменившийся мир становятся причиной того, что деконструкции подвергнуты все компоненты детективного дискурса (преступник заслуживает не только сочувствия, но и сострадания, жертва преступления вызывает исключительно раздражение и возмущение, а наказание за преступления вершится вовсе не представителями закона, при этом финал романа и вовсе остается открытым – неясно, случайностью или самоубийством является смерть Марины Грегг от передозировки снотворного, или же ее муж, Джейсон Радд, содействует ее смерти, не в силах защитить жену от возмездия или от нее самой).

Закономерно обращение автора и к тем культурным коннотациям, которые являются универсальными для европейской цивилизации, – так, например, прецедентные феномены со сферой-источником «Античная мифология». Адресат детективного дискурса должен обладать необходимым объемом фоновых знаний с тем, чтобы на основании переосмысления мифа об Одиссее адекватно воспринимать диалог доктора

Хейдока и мисс Марпл: «If you can't knit, what about unravelling for a change? Penelope did.' 'I'm hardly in her position.' 'But unravelling's rather in your line, isn't it?' He <Dr. > rose to his feet. 'I must be getting along. What I'd prescribe for you is a nice juicy murder'» [Cristie] / «– Если вы уже не в состоянии вязать, то почему бы вам для разнообразия не заняться распутыванием, как это делала Пенелопа? – Ну, я вряд ли окажусь в ее положении. – Но ведь распутывание – это ваше призвание, не так ли? – Он <доктор Хейдок> поднялся. – Мне пора. Откровенно говоря, я прописал бы вам какое-нибудь хитроумное и запутанное убийство» [Кристи]. Читатель, конечно, должен знать не только о том, что жена Одиссея, Пенелопа, ожидая его с Троянской войны, сохраняла ему верность, но и помнить о посягательствах на имущество царя Итаки со стороны ее многочисленных женихов, которым Пенелопа дала слово, что выберет кого-то из них тогда, когда закончит ткать полотно, и чтобы отдалить этот момент, который заставит ее нарушить брачную клятву, тайком ночью уничтожает уже сотканное. Мисс Марпл говорит, что она вряд ли может оказаться в положении Пенелопы, имея в виду возможность выбора мужа, тогда как доктор Хейдок, пытаясь подбодрить ее, советует расследовать (распутать) (*unravelling's rather in your line*) хитроумное убийство.

Разумеется, мы не можем обойти своим вниманием и прецедентный текст, фрагмент из которого стал эпиграфом к роману «И, треснув, зеркало звенит», – балладу А. Теннисона «Волшебница Шалот» (1842). Многочисленные отсылки к этому тексту, имеющему многообразные культурные коннотации в британской культуре, представлены и в самом тексте романа. Миссис Бэнтри, внимательный свидетель, говорит о моменте, когда Марина Грегг на краткий миг потеряла самообладание (этот момент предшествовал отравлению Хизер Бэдкок), при этом она привлекает собственный читательский опыт, сформированный в координатах британской лингвокультуры (и он противопоставлен опыту современной читательской публики – *People laugh at Tennyson nowadays*): «'She had a kind of frozen look,' said Mrs Bantry, struggling with words, 'as though she'd seen something that – oh dear me, how hard it is to describe things. Do you remember the Lady of Shalott?

The mirror crack'd from side to side:

«The doom has come upon me», cried the Lady of Shalott.

Well, that's what she looked like. People laugh at Tennyson nowadays, but the Lady of Shalott always thrilled me when I was young and it still does'» [Cristie] / «– У нее был какой-то замороженный взгляд, – сказала миссис Бэнтри, пытаясь подобрать наиболее подходящие слова, – как будто она увидела что-то, что... о боже мой, как все это сложно описать! Вы помните волшебницу Шалот? «Разбилось зеркало, звеня. „Беда! Проклятье ждет меня!“ – воскликнула Шалот». Вот что выражал ее взгляд. В наши дни Теннисон представляется молодежи ужасно смешным, но волшебница Шалот всегда поражала меня – и в юности, и даже сейчас» [Кристи]. А. Кристи неслучайно задействует в этом (как и во многих других в этом романе) контексте фоновые знания читателя, которые и создают фундамент художественного вымысла. Детективный дискурс приобретает свойственный классической литературе психологизм и объективирует культураносность эстетического знака за счет метафорического переосмысления и символизации трагической судьбы актрисы Марины Грегг через прецедентные ситуации, высказывания, онимы и прецедентный текст баллады А. Теннисона: героиня детективного романа А. Кристи погибает от жестокого столкновения с реальностью вне искусства, с безразличием людей друг к другу и их безответственностью за свои поступки. Ее зеркало разбивается, и она, как и волшебница Шалот, ищет выход из собственного замкнутого мира, но находит лишь гибель.

Заключение

Художественный вымысел в детективном дискурсе формируется в результате переосмысления компонентов объективной действительности сквозь призму традиционных для данного текстово-дискурсивного пространства схем, моделей и приемов. Так, в пределах событийности детективного романа А. Кристи актуализировано концентрированное сочетание таких поступков и действий персонажей, таких жизненных ситуаций, комбинация которых может возникнуть в реальной жизни обычного человека лишь с ничтожной долей вероятности.

Культурные коннотации эстетического знака принципиально важны в осуществлении рецептивно-интерпретативной деятельности читателя. Они возникают как результат вторичной номинации, являются конституентами семантического

пространства художественного текста, участвуя в формировании художественного вымысла. Очевидно, прагматика культурных коннотаций эстетического знака заключается в их способности продуцировать устойчивые образы в сознании адресата художественного дискурса, участвуя, тем самым, и в структурировании национальной картины мира. С другой стороны, культурные коннотации включены в процессы вторичной номинации – метафоризацию и символизацию, а прагматика этого вида коннотаций активизирует фоновые знания адресата, что создает фундамент для актуализации прецедентности в формировании художественного вымысла.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. С. 156–177.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва : Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
3. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37–65.
4. Богатырев А. В. Детективы Агаты Кристи: некоторые вопросы // Studia Humanitatis. 2024. № 1. URL: <https://st-hum.ru/en/node/1293?ysclid=m5tm01k5r0606152929> (дата обращения: 25.01.2025)
5. Вольский Н. Н. Дело о «детективе без берегов»: «теоретические» споры о детективе и их практические результаты // Классический детектив: поэтика жанра. URL: <http://detective.gumer.info/text01.html#volsky> (дата обращения: 25.01.2025)
6. Дидковская В. Г. Диалог автора с читателем в современном женском детективе // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2022. № 3 (5). С. 7–19.
7. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 6. С. 191–210.
8. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Москва : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 453 с.
10. Кристи А. И, треснув, зеркало звенит : роман / пер. с англ. Г. Усовой. URL: https://librebook.me/the_mirror_crack_d_from_side_to_side (дата обращения: 25.01.2025)
11. Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей / пер. с польского, фр., англ., нем. Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва : Академия, 2001. 201 с.
13. Моэм У. С. Упадок и разрушение детектива // Моэм У. С. Собр. соч. : в 5 т. Москва : Художественная литература, 1994. Т. 5. С. 449–471.
14. Полуэктова Т. А. Англоязычный фотоэкфрастический детектив второй половины XX в. (А. Кристи, Т. Финдли): традиция и новаторство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2024. № 24 (3). С. 309–318.
15. Поринец Ю. Ю. Литературные аллюзии в детективных романах Агаты Кристи // Филология: научные исследования. 2022. № 8. С. 73–86.
16. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. Москва : Наука, 1986. 141 с.
17. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. 284 с.
18. Токарев Г. В. Формирование квазисимволов на базе коннотаций значений вербальных единиц // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. № 3. С. 5–13.
19. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1996. № 6. С. 62–71.
20. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20–25.
21. Эйзенштейн С. Литература в кино // Вопросы литературы, 1968. № 1. С. 91–112.
22. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. А. Г. Погоняйло, В.Г. Резник. Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. 430 с.
23. Bergman K. G., Franzén N. The force of fictional discourse // Synthese. 2022. Vol. 200. P. 474–498.
24. Cristie A. The Mirror Crack'd from Side to Side. URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivny-i-trillery/klassicheskij-detektiv/198848-agatha-christie-the-mirror-crack-d-from-side-to-side.html> (дата обращения: 25.01.2025)
25. Franzén N. Implicating fictional truth // Philosophical StudieS. 2024. Vol. 181. P. 299–317.
26. Stokke A. Fictional force // Philosophical StudieS. 2023. Vol. 180. P. 3099–3120.

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija = An integral language description and system lexicography // Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy: v 2-h t. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. T. 2. S. 156–177.
2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and human world. 2-e izd., ispr. Moskva : Jaz. ruS. kul'tury, 1999. 895 s.
3. Berestnev G. I. K filosofii slova (lingvokulturologicheskij aspekt) = Towards a philosophy of the word (linguocultural aspect) // Voprosy jazykoznanija. 2008. № 1. S. 37–65.
4. Bogatyrev A. V. Detektivy Agaty Kristi: nekotorye voprosy = Agatha Christie's detectives: some issues // Studia Humanitatis. 2024. № 1. URL: <https://st-hum.ru/en/node/1293?ysclid=m5tm01k5r0606152929>

hum.ru/en/node/1293?ysclid=m5tm01k5r0606152929 (data obrashhenija: 25.01.2025)

5. Vol'skij N. N. Delo o «detektive bez beregov»: «teoreticheskie» spory o detektive i ih prakticheskie rezul'taty = The case of the «detective without shores»: «theoretical» detective debates and their practical outcomes // Klassicheskij detektiv: pojetika zhanra. URL: <http://detective.gumer.info/text01.html#volsky> (data obrashhenija: 25.01.2025)

6. Didkovskaja V. G. Dialog avtora s chitatelem v sovremennom zhenskom detektive = Author-reader dialog in a modern women's detective novel // Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal. 2022. № 3 (5). S. 7–19.

7. Iordanskaja L. N., Mel'chuk I. A. Konnotacija v lingvisticheskoj semantike = Connotation in linguistic semantics // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 6. S. 191–210.

8. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaja semantika = Linguistic semanticS. Moskva : Jeditorial URSS, 2000. 350 s.

9. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury = Linguoculturological method in phraseology: codes of culture. Moskva : Kn. dom «LIBROKOM», 2012. 453 s.

10. Kristi A. I, tresn'uv, zerkalo zvenit = The Mirror Crack'd from Side to Side : roman / per. s angl. G. Usovoj. URL: https://librebook.me/the_mirror_crack_d_from_side_to_side (data obrashhenija: 25.01.2025)

11. Kurilovich E. Oчерки po lingvistike = Essays on linguistics : Sbornik statej / per. s pol'skogo, fr., angl., nem. Moskva : Izd-vo inostr. lit., 1962. 456 s.

12. Maslova V. A. Lingvokul'turologija = Linguoculturology. Moskva : Akademija, 2001. 201 s.

13. Mojem U. S. Upadok i razrushenie detektiva = The decline and fall of the detective // Mojem U. S. Sobr. soch. : v 5 t. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1994. T. 5. S. 449–471.

14. Polujektova T. A. Anglojazychnyj fotojekfrasticheskij detektiv vtoroj poloviny XX v. (A. Kristi, T. Findli): tradicija i novatorstvo = English-language photo-ecphrastic detectives in the second half of XX century (A. Christie, T. Findlay): tradition and innovation //

Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2024. № 24 (3). С. 309–318.

15. Porinec Ju. Ju. Literaturnye alljuzii v detektivnyh romanah Agaty Kristi = Literary allusions in Agatha Christie's detective novels // Filologija: nauchnye issledovaniya. 2022. № 8. S. 73–86.

16. Telija V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki jazykovyh edinic = The connotative aspect of linguistic unit semantics. Moskva : Nauka, 1986. 141 s.

17. Telija V. N. Russkaja frazeologija: semantiko-pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects. Moskva : Shk. «Jazyki ruS. Kul'tury», 1996. 284 s.

18. Tokarev G. V. Formirovanie kvazisimvolov na baze konnotacij znachenij verbal'nyh edinic = Forming quasi-symbols basing on connotations of verbal unit meanings // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija. 2020. № 3. S. 5–13.

19. Coller V. N. Jekspressivnaja leksika: semantika i pragmatika = Expressive vocabulary: semantics and pragmatics // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki. 1996. № 6. S. 62–71.

20. Shahovskij V. I. Tipy znachenij jemotivnoj leksiki = Types of emotive vocabulary meanings // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 1. S. 20–25.

21. Jejzenshtejn S. Literatura v kino = Literature in the cinema // Voprosy literatury, 1968. № 1. S. 91–112.

22. Jeko U. Otsutstvujushhaja struktura: Vvedenie v semiologiju = Missing structure: Introduction to semiology / per. A. G. Pogonjajlo, V.G. Reznik. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1998. 430 s.

23. Bergman K. G., Franzén N. The force of fictional discourse // Synthese. 2022. Vol. 200. P. 474–498.

24. Cristie A. The Mirror Crack'd from Side to Side. URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/klassicheskij-detektiv/198848-agatha-christie-the-mirror-crack-d-from-side-to-side.html> (data obrashhenija: 25.01.2025)

25. Franzén N. Implicating fictional truth // Philosophical StudieS. 2024. Vol. 181. P. 299–317.

26. Stokke A. Fictional force // Philosophical StudieS. 2023. Vol. 180. P. 3099–3120.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025